

М. Б. Свердлов
СПбИИ РАН, г. Санкт-Петербург

В. Н. ТАТИЩЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Изучению наследия В. Н. Татищева-историка посвящена значительная научная литература. В ней рассмотрены многочисленные сложные проблемы анализа его политических и философских взглядов, использования им исторических источников, изложения конкретного содержания российской истории¹. Между тем на периферии исследовательских интересов остался конкретный анализ его наблюдений над содержанием истории общественных отношений, в частности, в древнерусский период. Данная проблема, вероятно, одна из наиболее сложных в отечественной исторической науке, становится ныне тем более актуальной, что в новейшей научной литературе все более распространяется деление историографического процесса на «историописание» и, с середины XIX в., «историографию».

Российская историческая наука могла появиться только в результате преобразований Петра Великого. Он сам много сделал для ее формирования и исследования новейшей российской истории. Сложнейший для ее изучения древнейший период он оставил историкам. Как Петр написал, «хотя всем есть известно о манархии российской и ее початие и что далее деда князя Владимира (т. е. до князя Игоря. – М. С.) правдивой истории не имеем, но, оставя сие историком, возвратимся к состоянию оной». Основное содержание средневековой российской истории он характеризовал конкретно в ее политическом содержании².

Впрочем, Петр Великий внес значительный вклад в становление начального периода российской истории тем, что по его указанию была сделана копия Кенигсбергской или Радзивиловской летописи (далее – Радз.). Это была древнейшая известная тогда летопись. При ее написании были использованы северо-восточные летописные своды конца XII – начала XIII в., в состав которых входила Повесть временных лет (далее ПВЛ). Так что уже первые исследователи, которые ею пользовались и делали с Петровского списка Радзивиловской летописи для себя списки (Я. В. Брюс, М. В. Ломоносов, для В. Н. Татищева была сделана копия со списка Я. В. Брюса) получили о древнейшем периоде истории Руси наиболее достоверные сведения. Эта летопись сообщала о последовательности многих событий в причинно-следственных связях.

В петровский период основное внимание в исторических сочинениях было сосредоточено, естественно, на событиях нового и новейшего времени. Тогда крайне важно было на исторических материалах пока-

зять необходимость преобразований в России, обосновать историческую справедливость ее участия в Северной войне. Состояние исторической науки в условиях определяющего воздействия абсолютных монархий и воздействие принципов классицизма предполагали изложение исторических событий как повествование о правителях и героях, об их войнах и победах. Между тем, в исторических источниках содержались также сведения о жизни материальной, об отношениях людей в общественном процессе. Такие сообщения обращали на себя внимание, тем более что россияне, начиная с Петровской эпохи, знакомились с западноевропейской философской, общественно-политической и исторической литературой, в которой уже были поставлены вопросы государственного устройства, периодизации истории, формирования европейских государств.

На начальном этапе становления российской исторической науки историки были подготовлены к изучению юридических текстов, которые содержали сведения о древнейших общественных отношениях на Руси. Особое значение в этой научной проблеме имели русско-византийские договоры X в., включенные в ПВЛ и распространенные в последующей летописной традиции. Эти тексты, помещенные автором ПВЛ под 6415/907, 6420/912, 6453/945, 6479/971 гг. и датированные в последующей научной литературе 911, 944 и 971 гг. (вопрос о существовании особого договора 907 г. дискутируется)³, содержали сведения о Руси, ее политическом строе и обществе, о торговых, правовых и военно-политических отношениях с Византийской империей, о древнерусских юридических нормах.

Первенство научного анализа и перевода русско-византийских договоров X в. принадлежит В. Н. Татищеву, который начал свои разыскания о российской истории в 1719–1721 гг., а в 1727 г. приступил к написанию «Истории Российской»⁴. Но первым опубликовал их переводы-интерпретации и, таким образом, результаты их научного осмысления Г. Ф. Миллер.

Опыт Г. Ф. Миллера в 1732 г. в переводе-изложении русско-византийских договоров не был удачен. В нем содержалось краткое изложение основного содержания договора 911 г. без конкретизации его правовых норм. Договор 944 г. приведен в этой публикации с указанием статей и обстоятельно. Но в нем отсутствовали нормы договора о челяди. Такая публикация не давала достаточного представления о социальной структуре Руси в соответствии с его текстом. К тому же авторство древнейшей летописи, содержавшей русско-византийские договоры и вошедшей в состав Радз., было ошибочно отнесено «киевскому аббату Феодосию»⁵.

Учтя критические замечания, Г. Ф. Миллер опубликовал в 1734 г. статью «Договоры о войне и мире великих князей Олега и Игоря с Греческой империей, вкратце приведенные из древней русской Анонимной

хроники». Новая публикация русско-византийских договоров первой половины X в. имела научное значение как приближенный к древнерусскому государственно-правовому тексту перевод, существенно более полный и точный. Впрочем, и в этой работе Г. Ф. Миллер не стал переводить ценнейшие в научном содержании статьи о юридическом положении русских и византийских пленников и челяди, находившихся в обеих странах, при особом внимании к правам русской челяди в Византии. Он привел в переводе-изложении договора 911 г. контаминированный текст, в котором указал содержание пленных и рабов в обеих странах, бегство или насильное похищение челядина от своего господина, а также его поиск по заявлению господина и насильственное возвращение.

Положительным явлением было то, что, Г. Ф. Миллер осмыслил эти правовые норм не в понятиях рабовладельческих отношений, которые хорошо представлял себе по истории римского права, а в категориях отношений средневековых. Поэтому он назвал древнерусского челядина не «рабом», а социальным термином *Knecht* – слуга, зависимый человек.

В новом переводе-изложении договора 944 г., Г. Ф. Миллер глубже раскрыл социальное содержание его статей. Из текста договора следовало, что торговля русских купцов с Византийской империей контролировалась великокняжеской и императорской властями. Статьи о бегстве зависимых людей – челяди – ставили сложные задачи в раскрытии их содержания. Широкий в своем значении социальный термин «челядин» переведен Г. Ф. Миллером, как и ранее, столь же широко в своих значениях словом *Knecht*. Точно переведен перечень выкупаемых пленных в соответствии с их возрастом и ценой. Но текст, регулировавший отношения права кровной мести, выкупа за убийство и имущественных отношений при данном правонарушении, оказался понятым Г. Ф. Миллером ошибочно.

Столь же неудачным оказался перевод-изложение следующей правовой нормы, в соответствии с которой за удар мечем, копьем или «сосудом» «русин гречина или гречин русина» правонарушитель должен был заплатить пять литр серебра «по Закону Русскому». В переводе-изложении удар превратился в смертельное ранение, штраф – в 10 фунтов серебра. В случае невозможности их выплатить виновный, по мнению Миллера, продавался в «крепостные» (*in die Leibeigenschaft*). Излагая содержание второй части статьи, Миллер не указал, что она относилась к малоимущему преступнику (по его нумерации, статьи 21, 22)⁶.

Переводы Миллером русско-византийских договоров 911 и 944 гг. имели большое научное значение. Они обращали внимание историков на то, что Русь в первой половине X в. имела сложную государственную и социальную структуру. Во главе государства находился великий князь, которому подчинялись другие князья и его знатные люди. Сре-

ди русских людей были богатые, недостаточно обеспеченные, а также зависимые – челядь, кнехты. Правовые и имущественные отношения регулировались в этих договорах нормами Закона Русского и византийского права раздельно, с применением санкций обоих источников права или в соответствии со специально выработанными нормами международного права. Переводы-изложения договоров обращали внимание на существование на Руси определенных денежных единиц, на активную торговлю руссов в Византии, на свойственный этой международной торговле регулируемый характер, на участие Руси в соблюдении норм международного берегового права, на соблюдение права наследования имущества по завещанию и без него.

В договорах содержались статьи, регулировавшие отношения собственности, выкупа пленных. Вместе с тем договоры фиксировали определенные межгосударственные отношения Византийской империи и Руси, заключавшиеся не только в сохранении мира, в отказе от военных действий и завоеваний, но также в союзных предприятиях в виде совместных действий против общего противника.

Перевод-изложение Г.Ф. Миллером русско-византийских договоров первой половины X в. не раскрыл всего богатства их информации как исторического источника. Не всегда они были точны терминологически и содержательно. Некоторые из их сведений еще не интересовали историка, другие привлекали внимание лишь в незначительной мере. Но тексты договоров указывали на существование в первой половине X в. Руси как государства с определенным экономическим, общественным и политическим строем, с определенной правовой системой.

Значительный вклад во введение в изучение начального периода социальных тем российской истории внес В. Н. Тагищев. Он рассматривал эти сюжеты как теоретически, так и в конкретном изложении содержания русско-византийских договоров и Правды Русской.

Готовясь к самостоятельному анализу «древнего правительства русского», Тагищев изучил исторические и теоретические труды Х. Вольфа, С. Пуфендорфа, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Т. Боккалини (в порядке перечисления Тагищевым). По его мнению, историческое развитие общества и системы управления начиналось с семьи, в которой «начальство» и «власть» принадлежит мужчине по его объективной «способности» в «проростве, искусстве и силе или возможности». Жена является его помощницей, а дети и сироты должны относиться к родителям и воспитателям с «благодарением». Такая патерналистская система стала основой «правительства монархии». С ростом населения эти принципы утвердились в праве старшего повелевать, а младших – все повеления исполнять, вследствие чего появилось «третье сообщество домовное». Оно состояло

из господина и его «служителей», или холопов. При этом Татищев указал на существенное отличие раба от холопа: холоп находится в зависимости «по договору на время договорное», раб – «невольник вечный и наследственный». Эти первые в российской исторической науке определения холопов и рабов, пока только юридические, тем более важны, что существовала возможность без научных дефиниций считать всех холопов рабами. В последующей научной литературе это мнение широко распространилось. Так что в определении социально-правового статуса древнерусского холопа Татищев значительно опередил свое время.

Следующим историческим этапом, по Татищеву, стало объединение этих «хозяйских сообществ» в города. Он объяснил появление городов материалистическими причинами: возрастание опасности вследствие «умножения» «зависти, ненависти и злости в сердцах нечестивых», потребности развивающихся ремесла и торговли. Обоснованно Татищев объяснил этимологию слова *город* от возведенных городских укреплений.

Появление «начальства», власти произошло, по Татищеву, – «для распорядка правления и повеления». Селения и «городки» объединились в союзы. Эти материальные процессы стали причиной «перемены» правления: «выбрав неколико способнейших, к правлению определить, им полную власть повелевать и учреждать поручили, протчия же все в подвластии и послушании остались». Так он объяснил возникновение «аристократии», «вельмож или сильных правительство».

Необходимость «избрать единого способнейшаго и достойнейшаго к правлению, которому всю власть поручили, дабы он о пользе общей прилежал», стала, по Татищеву, причиной появления монарха, «единовластителя». Последующую историю политической власти он рассматривал в соответствии с началами, сформулированными еще Аристотелем, как монархия, аристократия, демократия или их варианты в виде «смешанных правительств». Обобщая опыт реформ первой половины XVIII в., своего участия в государственном управлении и политической жизни, Татищев пришел к выводу, что для России с ее обширными просторами, «открытыми границами», «а наипаче где народ учением и разумом не просвясчен и более за страх, нежели от собственного благоуравия, в должности содержатся <...> нужно быть монархии»⁷.

Конкретизируя историю политической власти в России с древнейших времен до XVIII в., Татищев проанализировал ее в контексте всемирной и в частности европейской истории. При этом он пришел к выводам, которые имели большое значение для анализа истории социальной и периодизации исторического процесса в средневековой России. По его мнению, у славян были свои «государии». Когда их мужское наследование пресеклось, варяг Рюрик принял «наследственно и по заве-

шанию престол русский», утвердив «самовластие», единовластную форму правления. Этот период продолжался до кончины Мстислава, сына Владимира Мономаха. После 1132 г., вследствие распри наследников и разорения «князи, бывшие прежде под властью, так усилились, что великого князя за равного себе почитать стали, и ему ничто более, как титул к преимуществу остался, а силы никакой не имели». «И тако, – обобщил Татищев, – учинилась аристократия, но безпорядочная». Этот период завершился восстановлением политического единовластия великих князей Московских, монархией, в правление Ивана III⁸.

Таким образом, Татищев проследил в древнерусский период эволюцию социально-политического строя Руси. Во второй половине IX – первой половине XI в. произошел процесс становления великокняжеского единовластия. Во второй половине XI – первой трети XII в. имела место тенденция к усилению местных княжеских династий, которая сдерживалась до второй трети XII в. великокняжеской властью, стремившейся сохранить политическое единство Руси. Татищев установил начало на Руси со второй трети XII в. особого периода – политической раздробленности и назвал его периодом «аристократии».

Такой вывод крайне важен. Он совпал в своем содержании с наблюдениями французских историков второй четверти – середины XVIII в., в соответствии с которыми аналогичный процесс происходил в средневековой Франции. Но там определяющее значение в ослаблении королевской власти приобрела землевладельческая знать. Этот период вслед за французскими просветителями, Ш. Монтескье, авторами «Энциклопедии» Д. Дидро и д'Аламбера, Ф. М. Вольтером, стал называться феодальным, что было продолжено в самых разных научных направлениях исторической науки в XIX–XX вв.⁹ Особенность интерпретации Татищевым этого периода заключалась в том, что под «аристократией» он понимал не только знать, но и русских князей. Он установил также подобие княжеских съездов в домонгольской Руси средневековым германским княжеским съездам.

Значительные возможности конкретного анализа древнерусского общества в X в. Татищев раскрыл в переводе-изложении русско-византийских договоров. В 1734–1739 гг. он подготовил первую редакцию второго тома «Истории Российской»¹⁰. В нем излагалась этнокультурная предыстория Руси, а также – конкретное содержание ее политических, династических и военных событий от Рюрика до «пришествия Батыева». В этой редакции, основу которой составили летописи, изложенные Татищевым на «древнем наречии», прежде всего петровская копия Радз., передан текст договора, помещенный в летописях под 6415/907 г., без его деления на статьи. В договоры 911 и 944 гг. он ввел номера статей, а в их

текст – краткие разъяснения древнерусских терминов, что свидетельствует об их аналитическом прочтении Татищевым. Договор Святослава Игоревича с Византийской империей в 971 г. воспроизведен без деления на статьи. Но Татищев продолжал анализировать тексты договоров, так что уже в «Примечаниях» к первой редакции «Истории Российской» он поместил перевод договора 911 г. на современный ему русский язык¹¹.

Во второй редакции «Истории Российской», написанной на современном языке, Татищев привел переводы всех русско-византийских договоров, убрав ставшие ненужными разъяснения в их тексте, но введя обстоятельные примечания.

Татищев изложил содержание договора под 6415/907 г. как отношение «князя русского» Олега к его «подданным», но не раскрыл в нем свидетельств о социальной структуре Руси, кроме того, что из Руси в Царьград прибывают послы и купцы. Значительно большие возможности для этого ему предоставил перевод-изложение договора 911 г.

Татищев адекватно передал содержащиеся в нем социально-политические термины: «великий князь русский», «светлые и великие князья», «великие бояре». Он сохранил указанное в договоре соотношение Олега с этими князьями и боярами, которые находились «под рукою его», что указывало на их иерархические социальные связи. В последующем переводе-изложении договора 911 г. Татищев назвал «русских светлых князей» «подручными» великого князя. Такое их определение указывало на древнейшие истоки средневековых русских «подручных» князей, которые находились в разного происхождения вассальной зависимости от великого князя Московского.

В статье о бегстве убийцы, «русина» или «христианина», Татищев, как и Миллер, следовал за Радз., где вместо «имовит» написано «домовит». Но «имение» такого убийцы он обоснованно указал как имущество, которое следовало передать ближайшему родственнику убитого человека в отличие от того убийцы, который «дома» не имеет и которого следовало «умертвить». Различия в наказаниях для имущих и неимущих Татищев передал также в следующей статье об ударах. Такое понимание текстов договора свидетельствовало о существовании имущественного и, следовательно, социально-правового неравенства на Руси в начале X в. В переводе Татищев сохранил указание в тексте «литр 5 серебра по закону рускому». В примечании к данному тексту он уравнивал византийскую литру с русской гривной и западным фунтом.

В норме, посвященной выкупу пленных, Татищев, исходя из своего понимания пленных как рабов, перевел использованное в договоре понятие «челядинная цена» как «рабам установленная цена». Но далее он перевел начало статьи «О работающих бо грехох руси у греческого

царя» как «руссы, служасчие у царя христианскаго». Тем самым Татищев указал на обязанности русов, находившихся на службе у византийского императора, не относившиеся к рабскому статусу.

В переводе-изложении договора 944 г. Татищев характеризовал бегло-го от «руси» *челядина* как *холопа*, что подразумевало, как отмечено ранее, не рабские формы зависимости, тогда как человека проданного, имеющего цену, он характеризовал в договоре как *раба*. Сохранил Татищев в переводе название *положняника* как *пленника*, в том числе и, как написано в договоре, «работающе у грек». Сохранил он также сведения о «русиных», имеющих «дом» и «бездомных», т. е. с «имением» и без него, о различающихся наказаниях за их одинаковое преступление¹². Эти нормы указывали не только на существующие имущественные различия «русинов» в первой половине X в., но также на возможность разных наказаний за одинаковые преступления, что свидетельствует о допустимости в сознании «русинов» такого правового неравенства. Такое в полной мере обоснованное определение Татищевым существовавших на Руси первой половины X в. связей между имущественным и социально-правовым статусом стало началом последующей длительной традиции изучения истории социальной дифференциации древнерусского периода в историографии.

Значительно большие возможности для характеристики древнерусских социальных категорий предоставляла Татищеву Краткая Правда Русская, которую он открыл в составе Новгородской первой летописи младшего извода. Текст и перевод этого древнейшего письменного источника права, а также комментарий к нему Татищев включил в «Собрание законов древних русских», сохранившееся в рукописях в редакциях 1740 и начала 1750 г.¹³

В редакции 1740 г. Татищев определил два этапа становления Правды Русской – текст, данный Ярославом новгородцам в 1019 г., и текст, изданный в 1036 г. повелением князя Ярослава в присутствии его сыновей Изяслава и Святослава (при передаче текста Правды Русской и в ее переводе Татищев обоснованно написал также о Всеволоде Ярославиче) «с приобщением неких знатных людей». Но, по его мнению, как следует из языка Правды, указанной в ней платы скотом, а также совпадения ее статей с нормами Закона Русского, указанного в договоре великого князя Олега с «царем греческим», этот закон использовался в письменном виде еще в древнейшие времена.

В переводе Правды Русской и в комментариях к ее тексту Татищев раскрыл свое понимание самых разных социальных категорий. В некоторых случаях он устанавливал их содержание логическим путем, эвристически. *Гридин* – «придворный человек», т. е. человек, находящийся на княжеском дворе, поскольку *грядня* – «княжеский покой или комната».

В некоторых случаях Татищев признавался: «не знаю», «неизвестно», но по созвучию или по аналогии с более поздними словами он начинал научный анализ смысла социальных терминов: *ябетник* – «чужеземец обещается вечно служить», «*изгой или изгонь*» – «значит изгнанца откуда-нибудь», *тиун* – *судья*. Некоторые из социальных терминов он оставлял не раскрытыми, поскольку, по его словам, «дознаться нельзя» (*огнищанин, подъездной*), допуская, что *огневицик* – «может, какой начальник». При указании в тексте Правды Русской двойной виры в 80 гривен за убийство *тиуна, старшего конюха* как и *огнисчика* Татищев обоснованно устанавливал ее связь с высоким положением этих княжеских служилых людей. *Мечника* он характеризовал как знатный «чин, который должен был носить княжий меч» за тиуном.

Социальный термин Правды Русской *свободный муж* Татищев перевел как *свободный человек*. Но, прекрасно зная нарративные произведения, он раскрыл его содержание более глубоко – как обозначение лично свободного в сложном по составу обществе. Слово *челядин* Татищев по-прежнему переводил как *раб*, а *холоп* оставлял без перевода, подразумевая уже в древности его добровольную зависимость от господина по договору.

Но не всегда рационалистические начала и характеристика социальных категорий по созвучиям способствовали началу изучения их содержания. Поэтому в «рядовници княжи» он увидел вместо *рядовича* значение *рядовой, крестьянин*, а в *смерде* – «подлость, что ныне зовется по-голландски канала»¹⁴. Впрочем, и такие интерпретации были продолжены в последующей исследовательской традиции.

В «Собрании законов древних русских» редакции начала 1750 г., В. Н. Татищев дополнил свои комментарии к Правде Русской и отредактировал ее перевод.

В комментарии к первой статье о праве кровной мести он указал ее совпадение с аналогичной нормой Закона Русского в русско-византийском договоре 944 г., в перечне мстителей за убийство – деление «по народам – руссы от славян, по чинам – дворянина, купца и холопа». Наряду с такой дифференциацией древнерусского общества Татищев привел отредактированные характеристики отдельных категорий древнерусского общества, впрочем, не всегда удачно: *гридень* – «дворянин, или шляхтич», *ябетник* – «обетник или по договору служасчий, т. е. холоп».

Свободный муж в новом определении Татищева – «не токмо шляхтич (*дворянин*, человек, который служит князю. – М. С.), но всякой гражданин, кроме раба и крестьянина княжеского и шляхетного». То есть, Татищев отметил в древнерусский период не только свободное, но также зависимое от князя или служилого князю человека сельское население. Существенные изменения произошли в его понимании социального положения

челядина. В новой редакции «Собрания законов» он обоснованно характеризуется не как *раб*, а как *служитель*, т. е. тот, кто служит. Древнерусский социальный термин *холоп* Татищев продолжал использовать без перевода, подразумевая зависимость холопа по договору с господином.

Впрочем, и в новой редакции комментария к Правде Русской сохранились аналогии с современными понятиями и социально-политическими терминами, которые не способствовали конструктивному их изучению: *огнищанин* – полицмейстер, полицейские офицеры в городах, *подъездной* – «иногда разумеется адъютант, иногда посланный в город от государя для какого дела»¹⁵.

Таким образом, в «Истории Российской» Татищев сформулировал общую теорию исторического развития, а также периодизацию российской истории, выделив в ней особый период, который французские просветители в середине XVIII в., а за ними просветительское направление в Англии и Германии, стали называть феодальным. Его перевод-интерпретация русско-византийских договоров первой половины X в. показал сложную структуру древнерусского общества этого периода в определенных экономических, социальных и правовых отношениях. Комментируя и переводя Краткую Правду Русскую, Татищев вслед за ее текстом помещал древнерусские общественные категории первой половины XI в. в их социальных связях в контекст экономической жизни – хозяйство, земледелие, животноводство, бортничество, вещная среда. Их отношения регулировались юридическими нормами, которыми руководствовался княжеский суд и княжеские должностные лица. Древнерусская денежная система в ее соотношении с византийской литрой и западным фунтом была включена не только в отношения купли-продажи, но также в правовую систему и социальные связи.

Татищев создал основы научного изучения древнерусского общества. Проблема заключалась в том, чтобы исследование периодизации истории человечества происходило в единстве с анализом конкретной древней историей России и установлением основных этапов ее исторического развития.

Татищевский перевод-изложение русско-византийских договоров первой половины X в. обратил внимание историков на то, что в первой половине X в. Русь являлась государством с определенным экономическим, социальным и политическим строем. Во главе его находился великий князь, которому иерархически подчинялись другие князья и его знатные люди. Уже в это время на Руси были люди богатые, недостаточно обеспеченные, а также зависимые в определенных экономических, социальных и правовых отношениях. Во время пребывания в Царьграде их правовые и имущественные отношения регулировались статьями до-

говоров, в которых были учтены нормы Закона Русского и византийского права, а также нормы международного права.

Татищев выделил в российской истории первоначальный период политического единства, характеризуемого единовластием великокняжеской власти, монархией. Он установил существование последующего особого периода ее раздробленности на многие княжества, что имело следствием ослабление великокняжеской власти, взаимные распри князей и знати. В разных направлениях российской историографии XVIII – начала XXI в. этот социально-политический строй стали называть удельным или феодальным.

Эти наблюдения в постановке исследовательских проблем или в конкретном содержании имели научное значение как для своего времени, так и для последующей аналитической традиции XVIII–XXI вв., что является особой темой историографического исследования¹⁶.

Примечания:

¹ Историографические обзоры см.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 124–163; Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; К. 2005. С. 8–20; Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 12–27; и другие работы.

² Свердлов М. Б. Петр Великий и историческая наука // Петровское время в лицах – 2008. СПб., 2008. С. 213–225 (Труды гос. Эрмитажа. Т. XLIII).

³ Об изучении русско-византийских договоров X в. и о времени их перевода на Руси см.: Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 208–214.

⁴ Там же. С. 32–45.

⁵ [Müller G. F.] Auszug russischer Geschichte nach Einleitung des Chronici Theodosiani Kioviensis // Sammlung russischer Geschichte. SPb., 1732. I. Stück. S. 9, 18,

⁶ [Müller G. F.] Kriegen und Friedens-Geschäfte derer Grossfürsten Oleg und Igor mit dem Griechischen Kaiserthum, aus einem altem Russischen Chronico Anonimo in die Kürze gebracht // Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1734.. Bd. 1. 5. Stück. S. 407–419.

⁷ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 359–362.

⁸ Там же. С. 363–367.

⁹ Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996.

¹⁰ Валк С. Н. О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева // Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 12–13.

¹¹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 115–118, 120–122, 129, 401–402.

¹² Татищев В. Н. История Российская. Т. I. С. 42–43.

¹³ Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 189–197.

¹⁴ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1968. Т. VII. С. С. 211–212, 219–226.

¹⁵ Там же. С. 280–287.

¹⁶ Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси ...; см. опыт историографического анализа комментариев к русско-византийским договорам X в.: Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 208–311.